

УДК 141.333

ТЕНДЕНЦИИ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ВЕРЫ В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ**Г. М. ВЕРШИНСКАЯ***Белгородский
государственный
университет**e-mail:
verschinskaya@mail.ru*

В статье рассматривается проблема веры в русской традиционной народной культуре. Отмечается ее синкретичный характер в столкновении влияния язычества и христианства.

Ключевые слова: вера, религия, традиционная культура, христианство, язычество.

Несмотря на более тысячелетнюю историю христианства в России в русской традиционной культуре вплоть до XIX столетия сохраняли свое существование элементы языческих верований. Кроме известных причин принятие христианства, явилось, своеобразной попыткой разрыва с «архаическим» прошлым традиционной культуры, на деле только активизировавшего архаику – языческо-мифологическую составляющую традиционной картины мира «древнерусского» этноса и «архаических» ценностей. «Архаика», стоящая за формой труда – земледелием, не уступала свои позиции православию как «модерну» вплоть до конца XV века, когда празднование языческого Нового года было перенесено с марта на сентябрь уже как символ православной традиции. Только с этого периода можно говорить о некоем «синтезе» язычества и православия, хотя первое остается в основе обрядности, а фольклор только внешне «прикрывается» христианской идеологией. В свою очередь противостояние «модерна» и «архаики» формирует у крестьянства двойственность ценностных ориентаций, что в итоге послужило причиной двоеверия.

Как известно, до эпохи христианизации язычество было универсальной системой, дающей обобщающую картину мира, которая пронизывала все сферы жизни крестьянского социума. Поэтому с этими сферами соотносились и иерархия мифологических существ – от пантеона высших богов до сонмов низших духов. Поскольку сверхъестественный мир находился в постоянной и непрерывной взаимосвязи с миром людей, это способствовало, их объединялись не только благодаря антропоморфизации сверхъестественного мира и космоса в целом, но и в результате отправления многочисленных ритуалов. В крестьянской традиционной картине мира язычество охватывало собой всю сферу духовной культуры и значительную часть культуры материальной, потому как общество было проникнуто убежденностью в постоянном присутствии и участии сверхъестественной силы во всех трудовых процессах жизни человека.

Установление христианства на Руси как нового религиозного мировоззрения началось с «настоящего двоеверия, не только с перенесения в христианство части прежних языческих верований, но и с соединения язычества с христианством как целой веры или простого присоединения вновь принятого христианства к язычеству. В первое время после принятия христианства наши предки, с одной стороны, молились и праздновали христианскому Богу и его святым, а с другой стороны молились и праздновали своим прежним богам языческим. Тот и другой культ стояли рядом и практиковались одновременно». ¹ Это позволяет сделать вывод о том, что на начальном этапе христианизации в русской традиционной культуре происходило формирование своеобразной модификации политеистического мировоззрения, в котором почитание христианского Бога и святых присоединялось к культу старых языческих богов. Подтверждение данному факту находим в трудах В.Н. Топорова: «В первые века после крещения языческое наследие оставалось весьма значимым элементом культуры древнерусского общества. Основным направ-

¹ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. М., 1984. 2-е изд. Т. 1. Ч. 2. – С. 849.

лением насаждения новой веры была борьба с политеизмом. Христианизация вела к гибели всей системы культа древних богов как представителей высшего уровня религиозно-мифологического мировоззрения².

В то время как народное мировоззрение представляло собой единую систему верований, то христианство лишь частично уничтожило довольно свободную в некоторых отношениях аморфную структуру язычества, поставило его в иные условия и подчинило своей значительно более высокой иерархии ценностей. Вместе с тем бытовое православие представило языческим персонажам статус «нечистой силы», противостоящей силе «крестной», чистой и преисполненной святости. Причем эти силы в народном сознании не равновелики, ибо воля Божья и промысел Божий господствует над всем и определяет всё. Согласно этому постулату, принятие христианства вызвало не только и не столько «переодевание языческих богов в христианское платье» или частичную замену названий и форм языческих праздников христианскими, сколько «значительное усложнение нравственно-эстетических представлений и средств ритуального и поэтического выражения и исполнения»³. Следовательно, видоизменяясь, народное язычество, не исчезло с принятием христианства, а трансформировало важнейшие обрядовые установления и догматические законоположения принятого христианства.

Такое принципиальное изменение в религиозном мировоззрении крестьянства как восприятие идеи монотеизма могло происходить относительно независимо от эволюции религиозного сознания. Понимание сущности божества, как некой высшей силы управляющей миром, по всей видимости, оставалось одинаковым и на последней стадии язычества, и на начальном этапе христианизации. Семиотическим фактором, сопутствующим данному процессу, были основные понятия дохристианской религии славян. Распространение новой веры подразумевало наполнение этих понятий принципиально новым содержанием, но реально и язычники, и первые христиане Руси использовали одни и те же слова для своей религии.

В соответствии с этим усвоение христианской интерпретации религиозной лексики, которая исходила из евангельских текстов, требовало длительного времени. А между тем в языковой культуре оставался «архаический след», который представлялся серьезным фактором, замедлявшим процесс освоения христианского вероучения в полном объеме. Кроме того, причина «живучести» языческого наследия заключалась и в общих механизмах взаимодействия человеческого сознания с внешней социокультурной средой крестьян. Для религиозного сознания весь окружающий мир, как природный, так и культурный, осмысляемый посредством знаковых систем, неизбежно служил источником многочисленных ассоциаций.

Поэтому в первые десятилетия языческая картина мира, закрепившая соответствующие смыслы и значения для естественных и искусственных предметов как на логико-понятийном, так и на эмоциональном уровне, не могла полностью исчезнуть в первые века христианской Руси. Новокрещенные жители сёл и городов не меняли своей традиционно-бытовой культуры, оставаясь практически в том же предметном мире, что и предки во времена язычества. В силу этого они следовали тем же древним традициям строительства домов, изготовления одежды, форм музицирования, народного творчества, досуга и приготовления пищи, земледелия и скотоводства. В каждой из этих сфер культурных занятий присутствовали элементы религиозного отношения к действительности, имеющего дохристианское происхождение.

Кроме того, будучи помещенным, в архетипическую модель жизнедеятельности, крестьянин как носитель «социально» и «культурно» обусловленной картины мира находился в ней в каждый момент жизни – и в сакрально отмеченный, и в сакрально нейтральный. В определенном смысле можно говорить, что крестьянин, как носитель такой модели, «интериоризировал в природу культуру», отчего противопоставление «природа-культура» нейтрализовалось в крестьянской культуре не экспансией культуры, а ее по-

² Топоров В. Н. Боги древних славян. – С. 174.

³ Толстой Н. И. Христианизация как фактор усложнения структуры древнеславянской духовной культуры // Введение христианства у народов Центральной Европы. Крещение Руси. М., 1987. – С. 52.

гложением природой. (ср. хотя бы фотографию, органично вошедшую в архетипический быт в качестве ритуального объекта)⁴.

Такое свойство поддерживает прочность архетипической модели, разрушить которую гораздо сложнее, чем это обычно представляется. Архетипическая модель, «однородна» в том плане, что она мифологизирует весь универсум, попадающий в ее «поле зрения» и «неоднородна» в том смысле, что она мифологизирует универсум по-разному. Такая неравномерность предоставляла крестьянскому социуму большую самостоятельность в индивидуальных действиях. В виду того, что не все точки модели кодифицируются одинаково, то, в определенных ситуациях, носитель может отступать от кодифицированного поведения, оставаясь при этом внутри архетипа (при условии неукоснительного выполнения правил в диагностических контекстах)⁵.

Более того, сохранение архаики, в значительной степени связанной с сельскохозяйственной практикой, не было самоцелью, а являлось необходимым условием физического выживания крестьянского социума. Даже христианские праздники, переработанные архетипическим – фольклорным – сознанием крестьянина, на уровне подсознания оказались связанными с «персонажами» «крестьянского пантеона», куда включались, преимущественно, святые, отвечавшие социокультурным потребностям социума – они контролировали выполнение правил, установившихся в общине. Например, считалось, что грешно шить красным в день св. Федора, «ночью он может тебя убить», на Рождество нельзя есть мяса, «чтобы звери не нападали на скот, прясть с среду и пятницу «чтобы не засорять кострицей глаза св. Пятнице или мертвым глаза», не пустить в избу колядующих «в хозяйстве проку не будет» и др.

В силу этого церковные священнослужители не могли ставить и не ставили своей целью «искоренение» всех элементов традиционной культуры крестьян. Подобное требование можно было довести до абсурда обязав «по-христиански» лепить горшки, плести лапти, шить одежду и рубить дрова. Но церковь не шла по такому пути, а значит и способы изготовления горшков, плетения лаптей и рубки дров оставались вне оппозиции «христианство – язычество» и здесь сохранились древние формы и механизмы культуры, которые носили, во многом, архетипический, универсальный характер. Стоить, иметь в виду, что сопротивляемость к культурным архетипам отдельным индивидом отчетливо не осознаётся. Поэтому воспроизведение их конкретной личностью выступает рационально непреднамеренным актом.⁶ Отсюда следует, что архаичные мыслеформы, в традиционной культуре существовали, открыто, а после утраты сознательной веры в языческих богов продолжали существовать в народном сознании в виде архетипов коллективного бессознательного.

Не смотря на то что, христианизация шла по пути вытеснения языческого политеизма христианским монотеизмом, свое устойчивое место в традиционной крестьянской картине мира сохранили магические верования. Большинство типологических параллелей с традиционной обрядностью и магическими верованиями встречаются в аграрных и семейных ритуалах. Но наиболее яркими и представительными фрагментами древнеславянской культуры, которые сохранились до наших дней, являются календарные праздники, включающие в себя множество архаических мотивов и пережиточных явлений. Их отголоски мы находим в «перевосплотении колядующих по окончании песни – колядки в «наседок»: «Квох, квох, выведу тридцать двоих, и чтоб ни один не сдох»; в традиции «свят из рукава» зерна овса, ржи, пшеницу, гречихи в «Красный угол избы, (под образа) под обрядовые песни: «Со скотом, с животом, со пшеничкой и овсом», «Торох, торох, зароди, Бог, горох, жичку, пшеничку, ячмень, гречиху»; в «окликани» Егория холодного, почитаемого в народе как хранителя домашних животных». «На нае оглянись, скотинушку обереги от стужи холодной и зверя лютого»; в обряде угощения Мороза кутьей, дабы умилишить его, чтобы не «тронул» посевы весной и не заморозил ягнят, телят, да маленьких ребят»⁷.

⁴ Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, – С. 182-183.

⁵ Цивьян Т.В. Морфологическое программирование повседневной жизни. // Этнические стереотипы поведения. – Л., 1985. – С. 155.

⁶ Забияко А.П. Архетипы культурные // Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб., 1998. Т. 1. – С. 38.

⁷ Жиров М.С. Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры. Белгород, 2003, – С. 141-142, 148.

Однако, ритуально магические черты календарной обрядности, почти не несут ни каких следов политеистических воззрений. Их традиционно-бытовой характер косвенно указывает на возможную автономность соответствующих праздничных ритуалов в общем поле языческого мировоззрения крестьянства. Магические верования базируются на признании сверхъестественных связей между действиями людей и ожидаемым эффектом, результатом этих действий. В соответствии с этим они сохранились в виде суеверий и после того как языческие боги «умерли», они передавались от поколения, к поколению являясь, неотторжимым элементом традиционной картины мира крестьян. Это говорит о том, насколько глубоко и тесно связаны с повседневной жизнью древнерусского человека такие элементы традиционной культуры как народная вера и знания.

Из всех «компонентов» традиционной крестьянской культуры, способных в полной мере раскрыть содержание мировоззрения и традиционной крестьянской картины мира, является земледельческий календарь, который в наименьшей степени зависел от культурно-исторических изменений. В нем был аккумулирован значительный запас как проверенных знаний о закономерностях природных процессов и явлений, приобретенных повседневной практикой и опытом, необходимых для удовлетворения конкретных нужд и забот земледельца, так и знаний, принимаемых «на веру».

Поэтому картина мира крестьян, связанная с традиционной семиотикой, аграрным календарем и земледельческой обрядностью, еще долгое время оставалась без видимых изменений. Из всех сословных «субкультур», выделившихся из однородной древнерусской культуры, только одна, крестьянская, почти полностью сохранила в картине мира языческую архаику, на которой основывалось как народное знание, так и локальные верования, которые, по сути, определяли региональную специфику «кодифицированного» поведения.

Это в значительной мере обусловлено непосредственной взаимосвязью между процессом усвоения христианской веры с переходом от языческого к христианскому календарю. Календарь юлианский был принят русским крестьянством лишь в XVI столетии, когда языческая система календарных праздников, привязанная к сельскохозяйственным занятиям, сменилась типологически тождественной ей системой праздников христианских. Постепенно с течением времени язычество, и христианство наслаивались друг на друга, и в процессе этого наслаивания христианство получало стимул к дальнейшему развитию, а язычество – низводилось до уровня языческих понятий и преданий.

И тем не менее, принятие христианства дает новое направление в развитии народной традиционной культуры. С расширением социального опыта и накоплением практического знания культура отделяется от ритуала/обряда и превращается в самостоятельное утилитарно-духовное явление. В этот период «культурный дуализм, т.е. параллельное существование», как следствие разделения духовной и практической сторон человеческой жизни, приводит выделению веры как особого – духовного – феномена культуры, занимавшего в традиционной крестьянской картине мира отдельное место. И этому есть научное и практическое объяснение.

Христианизация Руси означала смену мировоззрения, что не могло не отразиться на традиционной крестьянской картине мира, во многом связанной с календарной системой. Языческая календарная обрядность, обслуживавшая земледелие, оказавшись в оппозиции к новому миропониманию, «не желала» подстраиваться под новые культурные условия: она адаптирует под себя чуждую ей религиозную систему, что в «плане выражения» выглядело как обратный процесс христианизации язычества. Так, традиционная картина мира, в период от поклонения природе к «монотензму», «переходит» от языческого культа предков с его идеей вечного возвращения к христианскому культу святых и вечному блаженству души после смерти. В фольклоре появляются духовные стихи, вытекающие преимущественно из непризнанной официальной церковью апокрифической литературы с явными языческо-мифологическими акцентами, что демонстрирует специфику народной религиозности.

Также следует учитывать, что жизнь человека в традиционной культуре была крайне ритуализирована. Ритуал благодаря своей укорененности в культуре и даже своему «предшествованию» ей, исполнял роль естественного, «природного» способа переживания наиболее напряженных моментов жизни индивида и коллектива. Событийный

ряд трансформировал факт рождения или смерти в длительный процесс, они как бы растягивали его, при этом само событие переходило на второй план. Так сами роды, к примеру представляли собой лишь эпизод в структуре родильной обрядности. Ритуал рождения ребенка начинался гораздо раньше самих родов, а завершался лишь после крещения младенца; ритуальная подготовка к смерти обрядовой одежды гроба начиналась иногда задолго до старости. Такое растягивание событий переводило реальные события в сферу условного, постепенного, зависящего от ритуала, что, кроме, всего прочего, имело, вероятно, и необходимый психотерапевтический эффект. К тому же смысл самого ритуала не ограничивался непосредственной его операциональностью. С помощью ритуала/обрядов и его средствами выявляются над знаковые проблемы: выявление различий и установление связей между человеческими и нечеловеческими; снятие противопоставления жизни и смерти; утверждение отношений подобия между человеком, жертвой и вселенной.

Необходимой, не подлежащей отмене составной частью традиционной духовной культуры выступал ритуал. Вместе с тем, традиция не сводится к привычкам повседневного образа социокультурной жизни крестьянства. Она реализуется как над индивидуальная норма поведения и в этом смысле выступает как закон. Создав и усвоив традицию, люди начинают воспринимать её как заданную извне закономерность.⁸ В конечном счете, включаясь в ритуалы/обряды – верили, что выполнение ритуалов в определенной последовательности давало либо положительный, либо отрицательный результат – вера «управляла» традиционной практикой, от чего рациональное строго подчинялось иррациональному.

Необходимо учесть то, что обряд как форма воплощения религиозных воззрений не универсален. Он является лишь одним из способов, посредством которого верование воплощается, в действие. Некоторые элементы культа с утратой прежних религиозных представлений, обладающие устойчивостью и консерватизмом, могут восприниматься в качестве вновь возникшей религиозной системой. Они наполняются совершенно новым религиозным содержанием, причем переосмысление культовых явлений отражается на религиозном сознании крестьянского социума, вызывая в нем частичные видоизменения.

В свою очередь свод правил кодифицированного поведения крестьянства в традиционной крестьянской картине мира имел ту же структуру, что и архетипическая модель и во многом те же функции. Ввиду этого происходило не только дублирование информации, но и дублирование способа ее хранения и передачи. В обоих случаях информация концентрировалась в легко запоминающиеся тексты пословиц и поговорок, «фрагменты» календарной и семейно-бытовой обрядности, составляющих костяк крестьянского фольклора как способа отражения крестьянской картины мира.

Следует также учесть, что крестьянская картина мира раскрывалась в «сельскохозяйственных» пословицах и поговорах, содержащих различные компоненты практического опыта и народную стихийную рационально-идеалистическую диалектику⁹, имеющую обобщенный, абстрактный, поистине философский смысл. Она представляла собой сложное переплетение мифологического с практическим: от специальной земледельческой обрядности, рекомендаций, рецептов, примет в качестве практического «руководства» по обработке почв, сроков вспашки, сева, борьбы с сорняками, сбора, хранения и приемов безотходной переработки урожая, организации работ – до семейно-бытовой обрядности и «домостроительства» – домоводства.

Сверх того человек, рожденный в лоне традиционной культуре, сразу попадал в поле действия сложившихся, не обсуждаемых норм и правил, которым он должен был неукоснительно следовать. Причем регламентации подвергались все сферы жизни человека – от сакральных, смыслообразующих компонентов (картина мира, представления о жизни и смерти, религиозные воззрения) до обыденных, повседневных забот, связанных с тем, что и как есть и пить, во что одеваться, как проводить праздники и будни и т.д.¹⁰ Все это

⁸ Туровский М.Б. Проблема сознания // Философские науки. М., 1996. № 1-4. – С.157.

⁹ Антонов Е.А. Научно-агрономическое знание как предмет философского анализа. – М., 1995. – С. 35.

¹⁰ Народная культура в современных условиях: Учеб. Н-зо пособие / Отв. ред. Н.Г. Михайлова. – М., 2000.

обеспечивалось, прежде всего, за счет традиционной крестьянской картины мира, ставшей основой крестьяноцентризма как символа зрелости самосознания крестьянского сословия, обратившего весь смысл мирозерцания внутрь самого себя и своей жизнедеятельности.

В результате сочетание языческого наследия с христианским просвещением реализовывалась в русской традиционной культуре по средствам сознательной ассимиляции элементов в локальных христианских верованиях, сохранением нечестивой магической практики и постепенной десемантизации в результате смешения обычаев и обрядов разного происхождения. Наряду с этим, языческая религия славян состояла «во-первых, в поклонении языческим божествам, во-вторых, в поклонении душам умерших, которое условливалось родовым бытом, и из которого преимущественно развивалась вся славянская демонология»¹¹. И не смотря на то что на местах прежних языческих капищ церковь Христова воздвигла свои храмы за такой короткий период времени истины спасительной веры не могли ещё быть вполне усвоены всеми новообращенными христианами, и вытеснить в них старые языческие верования. Ввиду этого, вполне естественным воспринималось то что, многие, нося имя христиан, продолжали жить по – язычески, тайно молились своим прежним языческим богам под овином, в роще, или у воды. И это явление не могло исчезнуть в одночасье, ибо невозможно чтобы, в каком-либо народе вдруг могли, сразу искорениться религиозные верования, которые существовали, целые века и тысячелетия.

Следовательно, раздробленность культа, низкий уровень местной церкви, разнообразность христианского «материала» и его толкований, одновременность и различная степень приобщения к христианству социальных низов обусловили в традиционной культуре крестьян чрезвычайную пестроту христианских представлений. Причем не просто включавшихся в архаическую систему воззрений, но активно воздействующих на нее, формирующих локальные и региональные особенности народной религии. «Языческая мифология перерабатывалась в христианскую демонологию, таким образом, не упразднившись, как вымысел суеверия, а продолжили считаться религиозной реальностью. Это явление и можно было назвать «двоеверием». Народные христианские верования, распространяемые славянами, не вытесняли языческие, а надстраивались над ними, образуя верхний слой религиозных представлений, ложившийся на языческую основу».¹²

Поэтому на местах многие церковные обычаи рождались из народно-бытовых форм и органично вливались в обрядовую жизнь крестьян. Лишь в центрах церковь пыталась определить каноническое отправление обрядов «по христианскому закону», что не могло находить в то время широкого отклика и оставалось в рамках митрополии или богословия. Только с течением времени в результате настойчивых преследований духовенства, активного действия проповеди о том, что языческие боги – это злые демоны, вера в старых богов исчезла. И тем не менее в народном веровании осталась еще не тронутая обширная область язычества – система календарных праздников со множеством «поэтически символических обрядов». Двоеверие сознательное сменилось бессознательным, причем в семьях крестьян суеверные обряды старого языческого богослужения сохранили свои многие компоненты.

При столкновении языческого политеизма и христианского монотеизма, с одной стороны, утверждалось христианское учение о едином Боге, с другой, возникал синкретический пантеон, в котором христианскому Богу было представлено место в иерархии языческих богов. Причем развитие теистических воззрений могло иметь место только в том случае, если носители языческой традиции не осознавали оппозиционности христианского учения и собственных представлений о божествах.

Христианство не имело в себе какого-либо компонента, непосредственно противостоящего народной вере в домовых, леших, водяных и подобных мифологических персонажей. Подобные представления христиан должны были отвергнуть или признать, что эти мифологические существа являются демонами, нечистой силой. Но в христианстве никаких заместителей духов воды, леса, дома не было. «Священникам приходилось придавать отпращиванию треб характер языческих приношений. Совершая крещение, венча-

¹¹ Соловьёв С. М. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие // Соловьёв С. М. История Российская с древнейших времён. М., 1996. Книга XIX. – С. 481.

¹² Ключевский В.О. Сочинения. М., 1956. Т. 1. – С. 302-307.

ние, отпевание, служитель Церкви получал от крестьянина натуральное вознаграждение, которое в языческие времена являлось жертвой богам»¹³. Возможно, это и стало основополагающей причиной длительного сохранения фрагментов низшей мифологии в русской традиционной культуре.

Не мало важное значение имело и то, что принимала христианство как новую культурную традицию, Древняя Русь не могла «упразднить» всё пространство прежней, хотя бы чисто хронологически «дохристианской» культуры. Поэтому те культурные институты задач, которых было удовлетворение важнейших социальных, в том числе социально-психологических потребностей крестьянского социума, могли приобрести христианские черты лишь постепенно. Лучше всего фрагменты древних верований сохранились в тех сферах жизни людей, которые, с одной стороны, были высоко значимы для существования человека, а с другой не вполне или недостаточно регламентированы в христианском вероучении и традиции. Мирская или «домашняя» жизнь, в отличие от жизни монастырской, долгие века не имела своего «устава». Она мало регламентировалась государственными и церковными установлениями, представляя собой некоторую культурную лауну, где жили языческие обычаи, и сохранялся древний слой жизни¹⁴.

В итоге христианизация Руси предстаёт как многогранный феномен, очевидный в основных его проявлениях и предельно сложный для понимания, если видеть за ним всю глубину и сокровенность личного опыта и знаний наших далёких предков. Утверждение новой веры объективно не могло создать некоего «равномерного» и одинакового во всех слоях общества христианского мировоззрения. Достаточно быстро Русь стала христианским государством. Однако в пространстве традиционной культуры происходило постепенное распределение между областями, занятыми новой христианской религией, и старой языческой верой.

С рубежа XVII—XVIII вв. принято отсчитывать новый этап христианизации, подспудно вызревавший в предшествующие века, но заявивший о себе во всеуслышание после раскола церкви. С последовавшим за ним распространением староверия в широкой народной среде происходит разделение христианского вероисповедания, на «две веры». Возникает парадоксальное противоречие между субъективными названиями и оценками содержания понятий «старая» и «новая» вера в устах идеологов оппозиций и их объективной значимостью в масштабе народной христианизации и изменениях культурного порядка.

«Новая вера» для оставшегося верным православию населения ограничилась в основном лишь переменами в «обрядоверию», в котором церковь наоборот, обвиняла, сторонников старой веры. Для последних конфликт в обрядоверии оказался только внешним поводом, давшим выход глубоким духовным исканиям, свидетельствующим, о росте христианского коллективного сознания, активном интересе к канонической и богословской литературе, самостоятельном осмыслении раннехристианских идей и символики, стремлением к нравственному совершенствованию и грамотности всех членов своей общины для полного постижения сущности Христа и его учения. Самое понятие «духовность» приобрело у староверов особое значение, что отразилось в самосознании своей веры – «духовная» в отличие от «мирской», «казенной», «гражданской» веры православных христиан¹⁵.

В конечном счете, христианская религия, в основе которой лежит одна единственная идея, уверовав в которую человек, становится христианином. Язычество же, а в особенности в форме анимизма, присущего славянским народам, и благодаря поразительному свойству все пронизываемости делось, на тысячу мелочей охватывая всю повседневную жизнь крестьянского социума. В момент христианизации в русской традиционной культуре совершается переход от мифологического сознания к религиозной идеологии; обе категории при этом – суть разного порядка. Замена основы веры – многобожие на монотеизм христианства, не могла охватить своей обрядностью все прикладные аспекты жизни крестьян, поскольку априори оно не содержало большого количества из того, чем изобиловало язычество.

¹³ Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1994. – С. 290.

¹⁴ Карпов А. В. Язычество, христианство, двоеверие. СПб., Алетейя. 2008. – С. 178.

¹⁵ Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1995. – С. 18.

Большинство традиционных языческих верований сохранились и прижились в крестьянской картине мира уже в видоизменённом облике в составе христианского мировоззрения. Именно благодаря отсутствию собственно христианского аналога семейная и календарная обрядность, поверья и приметы, бытовая магия, нашли свое воплощение в христианских образах, культах святых – покровителей, священных местах. Однако преобразованное синкретическое мировоззрение не содержало параллельные элементы: и христианские, и языческие. Находясь на разных уровнях развития, обе системы верований, привнесли в него своё специфическое.

В течении длительного исторического периода таким образом, можно констатировать тот факт что, древнерусские люди в значительной мере оставались в своих старых взглядах и верованиях, именуясь при этом христианами. Между тем, они жили язычески не вследствие упорного нежелания жить по-христиански, а вследствие плохого знания христианского вероучения. Язычество продолжало существовать, потому, что его нечем было заменить: духовенству нужно было время и способы научить население новой вере. С течением времени вера в старых богов исчезла, но в народном веросознании ещё долго оставалось не тронутой обширная область язычества – система календарных праздников со множеством поэтически-символических обрядов. Суеверные обряды старого языческого богослужения в русской традиционной культуре хранились во всей своей целостности вплоть до начала XX века, причем двоеверие сознательное сменилось бессознательным.

Список литературы

1. Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1994.
2. Карпов А. В. Язычество, христианство, двоеверие. СПб., Алетейя. 2008.
3. Ключевский В.О. Сочинения. М., 1956. Т. 1.
4. Народная культура в современных условиях : Учеб. Н-зо пособие / Отв. ред. Н.Г. Михайлова. – М., 2000.
5. Прутавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1995.
6. Соловьёв С. М. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие // Соловьёв С. М. История Российская с древнейших времён. М., 1996. Книга XIX.
7. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. М., 1984. 2-е изд. Т. 1. Ч. 2.

TENDENCIES OF FAITH DIVERSIFICATION IN RUSSIAN TRADITIONAL CULTURE

G. M. VERSHINSKAYA

Belgorod State University

e-mail:
vershinskaya@mail.ru

The article discusses the issue of faith in the Russian traditional culture. The author focuses on its syncretical character in conflict of pagan and Christian influences.

Key words: faith, religion, traditional culture, Christianity, paganism.